

У. Теккерей

**История Генри Эсмонда,
эсквайра, полковника
службы ее Величества
королевы Анны, написанная
им самим**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Т30

Т30 **Теккерей У.**
История Генри Эсмонда, эсквайра, полковника службы ее Величества королевы Анны, написанная им самим / У. Теккерей – М.: Книга по Требованию, 2021. – 352 с.

ISBN 978-5-4241-1674-2

Уильям Мэйкпис Теккерей, знаменитый английский прозаик, родился 18 июля 1811 года в Калькутте, где служил его отец. Мальчика отправили учиться в Лондон. После окончания школы юный Уильям поступил в Кембриджский университет. Однако проучился он там всего год, после чего в 1830 году отправился путешествовать по Европе. В Париже Теккерей обучался рисованию у английского художника Бонингтона, что позволило ему впоследствии создавать карикатурные иллюстрации к своим романам.

ISBN 978-5-4241-1674-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© У. Теккерей, 2021

Теккерей Уильям Мейкпис
История Генри Эсмонда,
эсквайра, полковника службы
ее Величества королевы Анны,
написанная им самим

Уильям Мейкпис Теккерей
История Генри Эсмонда, эсквайра,
полковника службы ее Величества королевы Анны,
написанная им самим
Перевод Е. Калашниковой
...servetur ad imum
Qualis ab incerto processerit, et sibi constat.
...Какими на сцену
вышли они, такими пускай и уходят.
Досточтимому Уильяму Бингхому,
лорду Эшбертону
Дорогой милорд,

Автору книги, которая воспроизводит язык и нравы века королевы Анны, не следует забывать о Посвящении покровителю: а потому я прошу разрешения поставить на заглавном листе имя Вашей милости, в память той ласки и дружбы, которыми почтили меня Вы и Ваши близкие.

Когда Вы получите эту книгу, автор ее будет находиться на пути в страну, где Ваше имя известно так же хорошо, как на родине. Я повсюду сохраняю чувство признательности и глубокого уважения к Вам, и не сомневаюсь, в Америке меня ждет прием, никак не менее благожелательный, оттого что я всегда и неизменно

Ваш благодарный друг и слуга У. М. Теккерей.

Лондон, 18 октября 1852 г.

Предисловие

Виргинские Эсмоиды

Поместье Каслвуд в Виргинии, расположенное в округе Уэстморлэнд, между реками Потомак и Раппахэнок, было пожаловано нашим предкам королем Карлом Первым в возмещение жертв, принесенных семейством Эсмонд ради его величества, и по своим размерам не уступало в то время английскому графству, хотя доходность его на первых порах была невелика. В самом деле, почти восемьдесят лет после получения этого дара наши плантации находились в руках управляющих, которые богатели один за другим, тогда как наше семейство за все эти долгие годы не получило со своих виргинских владений ничего, кроме нескольких десятков бочек табаку.

Мой дорогой и высокочтимый отец, полковник Генри Эсмонд, чья история, им самим рассказанная, составляет содержание этих записок, прибыл в Виргинию в 1718 году, построил здесь дом, названный им "Каслвуд", и навсегда поселился в нем. После долгой и бурной жизни в Англии он мирно и достойно провел здесь остаток своих лет, окруженный любовью и уважением сограждан и нежнейшей преданностью своей семьи. Вся его жизнь была утешением для тех, кто был к нему близок. Он всегда подавал лучший пример, лучший совет, оказывал самое радушное гостеприимство друзьям; неустанно пекся о благе домочадцев, а ближайших своих родных осчастливил такой отеческой любовью и заботой, о которых нельзя и думать иначе, как с чувством благодарности и почтения; и где бы ни довелось расти детям моих сыновей, здесь ли, в нашей республике, или дома, на незабвенной родине, от которой отторгла нас недавняя распря, они по праву будут гордиться тем, что происходят от человека, во всем являвшего обра-

зец истинного благородства.

Моя дорогая матушка умерла в 1736 году, вскоре после нашего возвращения из Англии, куда мои родители возили меня с целью дать мне надлежащее образование; там я и познакомилась с мистером Уорингтоном, которого никогда не знали мои дети. Небу угодно было отнять его у меня в расцвете юности, после недолгих месяцев супружеского счастья, и боль этой утраты мне удалось превозмочь лишь благодаря ласковому участию моего дорогого отца и благословиению, ниспосланному мне вскоре в лице моих двух нежно любимых мальчиков. Я знаю, что, хотя роковое несогласие заставило сыновей избрать разные пути в политике, в сердцах своих они никогда не разлучались; и, любя равно обоих, - сторонника короля и защитника республики, - я уверена, что так же и они оба любят меня и любят друг друга, больше же всех - его, моего и их отца, нежнейшего друга их детства, благородного джентльмена, с младенческих лет воспитавшего их в правилах и понятиях Истины, Любви и Чести.

Облик высокочтимого деда всегда будет жить в памяти моих детей, но я хотела бы обладать мастерством живописца (которым в совершенстве владел мой отец), чтобы запечатлеть для потомства черты того, кто был так добр и так достоин уважения. У моего отца было смуглое лицо, очень высокий лоб и темные карие глаза под нависшими бровями, которые долго еще оставались черными после того, как густые волосы поседели. Нос у него был орлиный, улыбка на редкость приятная. Как я хорошо все это помню и как бессильны любые описания воскресить его образ! Он был невысокого роста, не более пяти футов и семи дюймов; моих мальчиков он любил в шутку называть своими костылями и жаловался, что они чересчур выросли и он уже не может на них опираться. Но, несмотря на малый рост, он был безупречно строен, и я не знаю здесь никого, кто мог бы сравниться с ним величием осанки, кроме разве нашего друга мистера Вашингтона; недаром, где бы он ни появился, все тотчас же проникалось уважением к нему.

Он отличался во всех телесных упражнениях, являя при этом необычайную ловкость и проворство. Особенно он любил фехтование и превосходно обучил моих сыновей этому искусству, так что когда прибыли к нам французские войска во главе с господином Рошамбо, никто из офицеров последнего не мог превзойти моего Генри во владении рапирой, а он, в свою очередь, уступал в этом моему бедному Джорджу, который принял сторону короля в нашей бедственной, но славной Войне за независимость.

Ни мать моя, ни отец никогда не пудрили волос; у обоих, сколько я их помню, кудри были белые, как серебро. Моя дорогая матушка до конца дней сохранила удивительно свежий и нежный цвет лица; многие не хотели верить, что она не употребляет румян. В шестьдесят лет она все еще казалась молодой и была весьма подвижна. Лишь после той ужасной осады нашего дома индейцами, которая сделала меня вдовой до того как я стала матерью, здоровье моей дорогой матушки надломилось. Она так и не оправилась от тревог и потрясений тех дней, окончившихся столь роковым для меня образом, и умерла на руках отца прежде, чем истек срок моего траура.

С тех пор и до самого конца его прекрасной и достойной жизни я оставалась с ним в качестве друга и опоры, черпая в этом радость и утешение. В кратких заметках, сделанных рукою моей матери на некоторых страницах рукописи, в

которой мой отец рассказал о своих приключениях в Европе, мне раскрылась ее необычайная преданность ему - преданность столь страстная и исключительная, что, как мне кажется, она мешала ей любить еще кого-либо с таким же пылом; ибо все ее помыслы были сосредоточены на этом единственном предмете нежности и поклонения. Я знаю, что в ее присутствии мой дорогой отец избегал проявлять любовь, которую он питал к своей дочери; и в последние священные минуты перед кончиной моя дорогая родительница покаялась мне в том, что недостаточно любила меня, что даже испытывала ревность при мысли, что мой отец может подарить своей привязанностью кого-либо, кроме нее; и в самых нежных и возвышенных выражениях, исполненных ласки и убедительности, она просила меня никогда не расставаться с ним и занять то место, которое сама она в этот миг покидала. Думается, я с чистой совестью и чувством неизъяснимой благодарности в душе могу сказать: да, я исполнила этот предсмертный завет, и мой горячо любимый отец никогда, вплоть до последнего своего часа, не мог пожаловаться, что дочь его изменила долгу любви и верности.

И только когда я до конца узнала его - ибо при жизни моей матери он никогда не открывался мне полностью, - когда я узнала всю силу и благородство чувства, которым он меня дарил, я поняла и простила то, что при жизни матери, признаюсь, порой сердило меня - ее ревнивое отношение к мужней любви. То был столь драгоценный дар, что не удивительно, если она, владея им, стремилась сохранить его великом и ни с кем, даже с собственной дочерью, не хотела поделиться им.

Я ни разу не слышала, чтобы отец повысил голос, произнес резкое слово, и тем удивительнее было уважение, которое питали к нему подчиненные; работники на наших плантациях - как вывезенные из Англии, так и негры, купленные здесь, - повиновались ему с таким рвением, какого не могли добиться от своих подчиненных самые суровые из окрестных надсмотрщиков. Он не допускал фамильярности, но всегда был крайне прост и естественен в обращении; он одинаково относился к великим и к ничтожным и с черной рабыней был так же вежлив, как с супругой губернатора. Никому бы и в голову не пришло позволить себе с ним вольность (помню лишь один случай с неким подвыпившим джентльменом из Йорка, и надо сказать, что отец так и не простил виновного); он умел заставить самых скромных и застенчивых чувствовать себя непринужденно в его обществе, а с заносчивых сбивал спесь спокойной насмешкой, которой все до крайности боялись. Его вежливость не была чем-то вроде праздничной одежды, которую снимают после ухода гостей; он всегда был одинаково вежлив, как был всегда одинаково одет, будь то для семейного обеда или для парадного торжества. Говорят, он любил занимать первое место в обществе, но было ли такое общество, где первое место не принадлежало бы ему по праву? Когда мы ездили в Европу для моего образования и гостили в Лондоне у моего сводного брата милорда Каслвуда и его второй жены, я встречала при дворе ее величества самых прославленных джентльменов той поры и про себя я решила, что мой отец не уступает ни одному из них; это говорил и знаменитый лорд Болингброк, приезжавший к нам из Доули; от него же я слыхала, что ныне мужчины уже не те, что во времена его молодости. "Если б ваш отец, сударыня, - сказал он мне, - удалился в леса, индейцы избрали бы его своим сэчемом"; и милорду угодно было в шутку называть меня принцессой Покахонтас.

Я никогда не видала другой нашей близкой родственницы, супруги епископа

Тэшера, о которой так много говорится в мемуарах отца; матушка одна ездила навестить ее в деревню. Я не тщеславна (что и доказала, выйдя, согласно желанию моей матери, за джентльмена, который был всего лишь младшим сыном суффолкского баронета), но я питаю _должное уважение_ к своему имени и удивляюсь, как особа, некогда его носившая, могла променять его на имя миссис _Томас Тэшер_. Я оставляю в стороне, как гнусные и не заслуживающие доверия, толки, которые я слышала в Европе и по молодости не могла понять тогда, - толки о том, как эта особа, _покинув родной дом_, бежала в Париж, как она из ревности к претенденту выдала его тайны лорду Стэру, послу короля Георга, что едва не послужило причиной гибели принца; как воротилась в Англию и вышла замуж за упомянутого мистера Тэшера и стала пользоваться особым расположением короля Георга Второго, который сделал мистера Тэшера соборным деканом, а впоследствии епископом. Я так и не видала этой леди, ибо она сочла за благо не выезжать из своего замка все время, что мы были в Лондоне; но матушка, воротясь от нее, говорила, будто она утратила всю свою красоту, и предостерегала меня, советуя не придавать чересчур большой цены дарам, которыми наделила меня природа. Она сделалась толста до чрезвычайности; и я помню, как леди Каслвуд, жена моего брата, говорила: "Не удивительно, что она попала в фаворитки, ведь король, как и его отец, падох до старух и уродин", - на что мой отец возразил, что женщины все одинаковы: мир не выдвигал подобной красавицы, и мы готовы простить ей все, кроме ее красоты. Матушка казалась немало этим раздосадованной, а милорд Каслвуд смеялся от души; я же, по молодости лет, не могла, разумеется, понять истинного смысла их слов.

После событий, описанных в третьей книге, мой отец и моя мать оба отправились за океан, следуя совету друзей, уговаривавших их покинуть родину, ввиду тех обстоятельств, о которых говорится в конце этих записок. Брат же мой, узнав о том, что будущая супруга епископа покинула Каслвуд и отправилась в Париж к претенденту, пустился в погоню и, вероятно, убил бы оскорбителя, невзирая на его высокий сан, если б принцу не удалось спастись бегством. Когда впоследствии он высадился в Шотландии, Каслвуд преисполнился к нему такой ненависти, что, испросив на то позволения, вступил добровольцем в армию герцога Аргайля в Шотландии, с которой претендент так и не осмелился померяться силами; и с той поры милорд окончательно примирился с ныне царствующим домом и даже был взыскан его милостями.

Миссис Тэшер тем временем успела возненавидеть претендента не меньше, нежели ее родичи, и, как говорят, любила похваляться, что благодаря ей милорд был не только возвращен в лоно англиканской церкви, но и удостоился звания пэра, которое ныне закреплено за _младшей ветвью_ нашего рода. Она была в большой дружбе с сэром Робертом Уолполом и, как говаривал, посмеиваясь, мой отец, не угомонилась бы, покуда ее муж не переехал бы в Ламбет. Однако епископ умер скоростигшной смертью от удара, и жена воздвигла величественный памятник на его могиле; и ныне супруги покоятся рядом под балдахином с мраморными облаками и ангелами, тогда как первая миссис Тэшер погребена в Каслвуде, за шестьдесят миль от них.

Но мой отец обладал умом и образованием, каких от женщины и ожидать нельзя, и его приключения в Европе были много любопытнее, нежели жизнь, которую он вел здесь, выполняя мирные обязанности, предписанные ему любо-

вью и долгом; а потому я ограничу свое вступление к его запискам и не стану мешать своим детям обратиться к прочтению повести, несравненно более увлекательной, нежели рассказы их любящей матери,

Рэйчел Эсмонд Уорингтон

Каслвуд, Виргиния Ноября 3-го дня 1778 года

Книга первая

Ранняя юность Генри Эсмонда вплоть до оставления им Колледжа св. Троицы

Кембриджского Университета

Актеры в древних трагедиях, как говорят нам книги, произносили свои ямбы нараспев, встав на ходули и надев маску и пышный парик. Считалось, что достоинство трагической музыки требует этих атрибутов и что каждое ее движение должно быть размеренным и плавным. Так, царица Медея убивала своих детей под погребальную музыку, а смерть царя Агамемнона сопровождалась замирающим коды (по выражению мистера Драйдона); при этом хор, застав в условной позе, ритмически и торжественно оплакивал судьбы великих венценосцев. Музыка истории не желает отставать от своей театральной сестры. И она является в маске и котурнах и говорит размеренной речью. И она в наш век занимается делами одних только королей, прислуживая им раболепно и напыщенно, как если бы она была придворной церемониймейстершей и летопись дел простого народа вовсе ее не касалась. Я видел уже состарившимся и одряхлевшим французского короля Людовика XIV, этот образец и воплощение царственности, который всегда двигался размеренно, который жил и умер в согласии с установлениями министра двора, всю свою жизнь стремясь разыгрывать роль героя; и что же: лишенный поэтического ореола, это был всего лишь маленький, сморщенный старичок с попорченным осною лицом, в пышно взбитом парике и в башмаках с красными каблуками, чтобы казаться выше ростом; образец героя для сочинителя книг, если хотите, или для ваятеля, или для живописца, расписывающего потолок, этакий бог в римском вкусе, - но, конечно, не более как человек для мадам Менгепоп, или для цирюльника, который брил ему бороду, или для господина Фагона, придворного врача. Я хотел бы знать, сташит ли с себя история когда-нибудь парик и отделается ли от своего пристрастия к двору? Увидим ли мы во Франции и Англии что-либо, кроме Версаля и Виндзора? Я не раз наблюдал, как королева Анна мчалась в кабриолете вслед за сворой гончих по склонам Виндзорского парка, сама правя лошадью, - краснолицая, разгоряченная женщина, ни в малой мере не похожая на ту статую, что показывает каменную спину собору св. Павла, оборотясь лицом к экипажам, взбирающимся по Лэджет-Хиллу. Ни умом, ни воспитанием она не была лучше нас с вами, хотя мы преклоняли колено, подавая ей письмо или чашку для умывания. Неужели же история должна до скончания веков оставаться коленопреклоненной? Я стою за то, чтобы она поднялась с колен и приняла естественную позу; довольно ей расшаркиваться и отвешивать поклоны, точно она камергер двора, и в присутствии государя подобострастно пятиться к двери. Одним словом, я предпочел бы историю житейских дел истории героических подвигов и полагаю, что мистер Хогарт и мистер Фильдинг дадут нашим детям куда лучшее представление о нравах современной Англии, нежели "Придворная газета" и иные издания, которые мы отлучаем.

Был у нас в полку Уэбба один офицер-немец, над которым мы любили подшучивать и о ком ходил слух (мною же и пущенный), что он старший сын потомственного имперского обер-штифельциера и наследник чести, которой весьма гордились двадцать поколений его предков, - получать пинок левой августейшей йоги, стягивая сапог с правой. Я слышал, что старый лорд Каслвуд, о чьих потомках пойдет рассказ на страницах этих записок, будучи не менее благородной крови, нежели Стюарты, которым он служил (и чей род был ничуть не знатнее доброго десятка дворянских родов Англии и Шотландии), гордился своим положением при дворе более, нежели заслугами предков, и так высоко ценил свою должность лорда Смотрителя Кладовых и Кравчего Утреннего Кубка, что с радостью обрек себя на разорение ради неблагодарного и неудачливого семейства, которое ему эту должность побаловало. На нужды короля Карла Первого он отдал свое серебро, для него же заложил свое поместье и большую часть его потерял в пениях и секвестрах; из-за него обрек свой замок ужасам осады, во время которой его брат Томас сдался Айртону в плен (и впоследствии пришел к соглашению с республикой, чего старший брат так ему и не простил), а второй его брат, Эдвард, избравший духовную карьеру, был убит на каслвудской башне, где он совмещал обязанности проповедника и артиллериста. Непокоримый в своих верноподданнических чувствах старик, находившийся при короле в то время, как солдаты Айртона разрушали его дом, бежал из страны со своим единственным сыном, в ту пору еще мальчиком, чтобы впоследствии вернуться и принять участие в Ворчестерской битве. В этом роковом сражении Юстес Эсмонд был убит, и Каслвуд вновь удалился в изгнание и никогда в дальнейшем, ни до, ни после реставрации, не отлучался от двора монарха, за чье возвращение мы возносим хвалу в наших молитвах, монарха, продавшего родину и подкупленного французским королем.

Есть ли зрелище более величественное, чем славный король в изгнании? Может ли кто более заслуживать уважения, чем храбрый человек в беде? Такой образ нарисовал нам мистер Аддисон в своей благородной трагедии "Катон". Но представьте себе изгнанника Катона пьянствующим в таверне; на каждом колене у него по непотребной девке, вокруг - пьяная орава приспешников, разделивших его участь, тут же хозяин, требующий уплаты по счету; и вот от величия в несчастье не осталось и следа. Муза истории стыдливо отворачивается от вульгарного зрелища и затворяет дверь, на которой записано все выпитое и неоплаченное изгнанником, чтобы не видеть его посреди бочек и кружек, не слышать кабацкой песни, которую горланят хором он и его друзья. Нужен был бы Остаде или Миерис, чтобы написать портрет такого человека, как Кард. Ваши Неллеры и Лебрены знают только свои неуклюжие и неправдоподобные аллегории, а мне всегда казалось богохульством сажать на Олимп такое насквозь проспиртованное божество.

Что до спутника короля, виконта Каслвуда, осиротевшего со смертью сына, разоренного своею преданностью, покрытого рубцами и шрамами - памятью славных дел - и состарившегося в изгнании, о нем, думается мне, родичи должны молчать; и если сей патриарх свалился под действием винных паров, им не пристало указывать на него пальцами и останавливать прохожих, чтоб те смеялись над ого сединами и багровым лицом. Как! Разве поток сбегает с гор прозрачным и вольным для того, чтобы пробежать по прекрасным пастбищам,

вскормить и пустить на простор светлые ручьи и кончить свой путь в деревенской канаве? Жизни, имевшие прекрасное начало, нередко ждет бесславный конец; с почтением и благоговейным страхом должен наблюдатель размышлять о подобных судьбах, узнавая их историю. Я слишком часто встречал Успех на своем веку, чтобы с приветственными кликами бросать вверх шляпу, когда он проезжает мимо в золоченой карете; я свершу свой скромный долг и позабочусь о том, чтобы мои соседи в толпе не слишком разевали рты от удивления и не рукоплескали слишком громко. Лорд-мэр ли это, во всем своем блеске отправляющийся на парадный обед в Мэншен-Хаус? Или это бедняга Джек из Ньюгетской тюрьмы, которого шериф и копыеносцы сопровождают в его последнем путешествии к Тайберну? Я заглядываю в свое сердце и решаю, что я не хуже лорд-мэра, и вижу, что я не лучше ньюгетского Джека. Наденьте на меня цепь и красную мантию и поставьте передо мною пудинг, и я отлично исполню роль олдермена и после сытного обеда вынесу Джеку смертный приговор. Морите меня голодом, отнимите у меня книги и общество честных людей, приучите меня любить игру в кости, джин и наслаждения, а потом пустите меня на Хаунслоу-Хит, и я схвачу первый подвернувшийся кошелек. "И буду повешен, как того и заслуживаю", - добавьте вы, желая положить конец этой скучной болтовне. Я не говорю "нет". Я могу только принять мир таким, каким я нахожу его, включая пеньковый галстук, поскольку он нынче в моде.

Глава I,

повествующая о том, как Фрэнсис, четвертый виконт, прибыл в Каслвуд

Когда Фрэнсис, четвертый виконт Каслвуд, вступил в свои наследственные права и в году 1691-м явился в качестве законного владельца в поместье Каслвуд в графстве Хэмпшир, - единственным, не считая прислуги, обитателем Каслвудского замка был двенадцатилетний мальчик, о котором никто бы и не вспомнил, если б миледи виконтесса не натолкнулась на него в самый день своего приезда, обходя вместе с домоправительницей все помещения замка. Мальчик в это время сидел в комнате, известной под названием библиотеки или желтой галереи, где висели портреты предков, в том числе шедевр сэра Антонио Ван-Дейка, изображавший Джорджа, второго виконта, а также писанный мистером Добсоном портрет недавно скончавшегося третьего виконта; супруга и вдова последнего не сочла, видимо, уместным увезти его из Каслвуда и, переезжая в свой дом в Челси, близ Лондона, захватила лишь собственный портрет, работы сэра Питера Лели, изобразившего миледи в виде охотницы из свиты Дианы.

Новая владелица Каслвуда застала печального маленького отшельника углубившимся в толстую книгу, которую он отложил, как только заметил появление незнакомой и прекрасной леди. И так как он понял, кто была эта незнакомка, он встал и поклонился ей робко и почтительно, приветствуя хозяйку приютившего его дома.

Она протянула руку - разве когда-нибудь эта рука медлила протянуться для доброго дела или для защиты обездоленных и несчастных?

- А вот и наш кузен, - сказала она. - Как же вас зовут, кузен?

- Меня зовут Генри Эсмонд, - сказал мальчик, глядя на нее с восторгом и в то же время с некоторым удивлением, потому что она явилась перед ним, как *dea septe* {Поистине богиня (лат.)}, и ему показалось, что никогда он не видел ничего прекраснее. Ее золотистые волосы блестели в золоте солнечных лучей, свежий

румянец оттенял белизну кожи; губы улыбались, а в глазах светилась такая доброта, что у Гарри Эсмонда от изумления забилось сердце.

- Да, да, именно так его зовут, миледи, - сказала домоправительница, миссис Уорксоп (старая гарпия, которую мальчик ненавидел и которая еще больше ненавидела его); при этом старуха многозначительно покосилась на портрет покойного лорда, тот самый, что и поныне хранится в семье; у милорда на этом портрете благородный и строгий взгляд, рука покоится на эфесе шпаги, а к груди приколот орден, пожалованный ему императором во время Дунайского похода против турок.

При виде разительного и бесспорного сходства между портретом и мальчиком новая виконтесса, все еще державшая руку Генри Эсмонда в своей, покраснела, выпустила эту руку и торопливо пошла по галерее; миссис Уорксоп последовала за ней.

Когда она вернулась, мальчик стоял на том же месте, и его рука безжизненно висела, белея на черном сукне платья, - так, как она упала, когда миледи выпустила ее.

Мне думается (да и сама она впоследствии признавалась в этом), сердце ее дрогнуло при мысли о том, что она могла обидеть живое существо, будь то взрослый или ребенок; потому что, дойдя до двери в дальнем конце галереи, она отослала домоправительницу с каким-то поручением, а сама воротилась назад и, подойдя к мальчику, с неизъяснимым состраданием и лаской во взгляде взяла его за руку, а другую свою прекрасную руку положила ему на голову и обратилась к нему со словами, которые были исполнены такого участия и произнесены голо-сом столь нежным, что мальчику, никогда прежде не видевшему подобной красоты, показалось, будто какая-то неземная ангельская сила повергает его ниц, и, опустившись на одно колено, он поцеловал прекрасную руку, несшую ему утешение. До конца своих дней Эсмонд помнил леди Каслвуд такою, какой она была в то мгновение, ее черты и выражение, кольца на прекрасных ее руках, самый аромат ее платья, взгляд, сиявший удивлением и лаской, улыбку на губах и солнечный золотой ореол вокруг головы.

В то время как мальчик все еще стоял в этой позе смирения, в галерею с другого конца вошел статный джентльмен, ведя за руку девочку лет четырех. Джентльмен разразился громким хохотом при виде нелепой маленькой фигурки, с бледным лицом и длинными черными волосами, на коленях перед миледи. Миледи покраснела и, словно желая предотвратить насмешки, умоляюще взглянула на мужа - ибо вошедший был сам виконт; мальчик тотчас же признал его, так как видел однажды еще при жизни покойного лорда.

- Так это и есть маленький патер, - сказал милорд, глядя на мальчика. Ну, здравствуй, кузен.

- Он молится маменьке, - сказала девочка, едва достававшая отцу до колен; услышав это, милорд снова разразился громким хохотом, а кузен Генри стоял с преглупым видом. Он придумал не менее полудюжины ответных речей, но. это было лишь спустя несколько месяцев, когда он вспоминал об этом приключении, а в ту минуту он вовсе не нашелся, что сказать.

- *Le pauvre enfant, il n'a que nous* {Бедное дитя, у него никого нет, кроме нас (франц.)}, - сказала миледи, глядя на мужа; и мальчик, который понял ее, чего она, без сомнения, и не подозревала, - от всей души был ей благодарен за эти